

Страхов Н. Н.

Взгляд на текущую литературу

Страхов Н. Н. Литературная критика / Вступит. статья, составл. Н. Н. Скатова, примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова.-- М.: Современник, 1984.-- (Б-ка "Любителям российской словесности").

[OCR Бычков М. Н.](#)

Вы расчесываете у себя зуд вашего мнения до тех пор, пока не станете паршивыми с головы до ног.

Шекспир¹

I

Отличительная черта русской литературы, и черта очень печальная, есть ее очевидная *искусственность*, то есть что она не растет естественно из наших духовных сил и жизненных потребностей, а развивается больше всего в силу побочных влияний, из подражания, из тщеславия, для развлечения или из расчета. Таков, впрочем, общий характер всей нашей умственной деятельности, и от этого происходит, что объем этой деятельности гораздо шире, чем ее содержание. У нас есть Академия наук, университеты и другие ученые учреждения, но ученых и учености очень мало. Точно так же пишется и печатается несравненно больше, чем следует, то есть пропорция дельных книг, настоящего умственного труда необыкновенно мала сравнительно с другими просвещенными странами. Читающая публика растет с каждым днем, но число серьезных, истинно просвещенных читателей ничтожно и, можно думать, не только не растет, а убывает. У нас множество газет, но политической силы, то есть настоящего государственного и общественного значения, они почти не имеют.

В самом деле, что такое русская газета? Стоит ли за нею какое-нибудь определенное дело, определенная партия? Очевидно, нет, так как нет у нас дел и партий, имеющих обязанность и право говорить самостоятельно. Поэтому, в сущности, у нас газета есть личный орган ее редактора, и "Московские ведомости" однажды весьма правильно объявили себя таким органом. В других странах определенная партия или известное направление общественного мнения создают себе орган в газете; у нас наоборот -- газета стремится возбудить общественное мнение, образовать себе партию. Так точно в других странах университет есть создание той учености, которая уже развилась в обществе; у нас наоборот -- университет стремится насадить ученость в обществе, еще чуждом учености. Преимущественно правительство у нас заботится об успехах наук и распространении просвещения; так точно оно же сочло нужным вызвать в известной мере развитие общественного мнения. Но, в сущности, правительство придает значение не партиям, а голосам отдельных лиц, и наши публицисты -- не выразители мнений общества, а внушители этих мнений, руководители общества.

В новом журнале "Устой"² мы встретили следующие сетования:

"В то время, когда западноевропейские партии вырабатывают свои программы на основании богатого опыта жизни, русские должны их созидать чисто математическим путем, оперируя над отвлеченными величинами, или, того хуже -- над иксами. Западноевропейский публицист, утверждая, положим, что необходимы такие-то и такие-то реформы, такие-то и такие-то законодательные меры, прямо вам сошлется на резолюцию такого-то и такого-то митинга, на постановление такой-то и такой-то ассоциации, на прессу, не имеющую надобности скрывать истину, и т. д. За него, следовательно, говорит, и в большинстве случаев громко и ясно, сама жизнь, и на его долю остается, таким образом, только нетрудная задача регистрации. Но что прикажете делать публицисту русскому?" и т. д. ("Устой", 1882, NoNo 9 и 10, стр. 82).

Все это довольно верно. Но вот вопрос, кто же вас просил быть русским публицистом? Откуда такое призвание? Как случилось, что вы избрали себе деятельность, для которой нет никаких прямых требований, никаких надлежащих условий? Что это за партии, не имеющие программы, но во что бы то ни стало желающие ее составить? Очевидно, роль публициста выбирается только понаслышке, по